

ФИЛОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOLOGY, PHILOSOPHY, CULTURAL STUDIES

УДК 82:13(47)

ББК_83.3:87(2)

Вера Владимировна Королева

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Россия, Владимир, e-mail: queenvera@yandex.ru

«Гофмановский комплекс» в повестях Ап. Григорьева «Один из многих» и «Другой из многих»

Аннотация. На материале прозаического наследия Ап. Григорьева рассматривается проблема формирования «гофмановского текста русской литературы». В повестях «Один из многих» (1846 г.) и «Другой из многих» (1847 г.) Ап. Григорьева выделены основные черты гофмановской поэтики, которые проявляются комплексно и характеризуются общностью стилистики двух этих авторов («разрушительная ирония»), обращением Григорьева к гофмановскому типу демонического героя (Имеретинов, Званинцев), восходящего к роману Гофмана «Эликсиры дьявола», а также сходной проблематикой. Отмечено, что Ап. Григорьев, вслед за Гофманом, осмысливает проблему насильственного воздействия на личность Другого как основанную на идее магнетизма. На примере образов повестей Ап. Григорьева (Званинцев, Имеретинов) и образов-символов маски, куклы, автомата, марионетки повестей Э.Т.А. Гофмана («Песочный человек», «Автоматы» и др.) отмечены сходства в обращении авторов к проблеме омертвления человеческой жизни (у Ап. Григорьева) и механизации жизни и человека (у Э.Т.А. Гофмана). И, наконец, обращается внимание на то, что двойничество как одна из ключевых проблем творчества Гофмана получает развитие в повестях Григорьева («зеркальность» героев-двойников Званинцев – Позвонцев, Севский; Имеретинов – Чабрин). Результаты проведенного исследования показывают яркий пласт гофмановского интертекста в повестях «Один из многих» и «Другой из многих» Ап. Григорьева, что позволяет говорить о творчестве русского писателя как о значимом этапе на пути формирования «гофмановского текста» («сверхтекст») русской литературы.

Ключевые слова: прозаическое наследие Ап. Григорьева, «гофмановский текст» русской литературы, «гофмановский комплекс», гофмановский тип героя, герои-двойники, проблема духовного омертвления

Vera Vladimirovna Koroleva

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Russia, Vladimir, e-mail: queenvera@yandex.ru

“Hoffman complex” in the stories of Ap. Grigoriev “One of many” and “The other of many”

Abstracts. The problem of the formation of the “Hoffman text of Russian literature” is considered on the material of the prose heritage of Ap. Grigoriev. In the novels “One of Many” (1846) and “The Other of Many” (1847) by Ap. Grigoriev the main features of Hoffmann poetics are highlighted, which manifest themselves in its entirety and are characterized by the common stylistics of these two authors (“destructive irony”), Grigoriev’s appeal to Hoffmann’s type of demonic hero (Imeretinov, Zvanintsev), dating back to Hoffmann’s novel “Elixirs of the Devil”, as well as similar problems. It is noted that Ap. Grigoriev, following Hoffman, conceptualizes the problem of forcible influence on the personality of another as based on the idea of magnetism. similarities in the authors’ treatment of the problem of the necrosis of human life (in Ap. Grigoriev) and the mechanization of life and man (by E.T.A. Hoffman) are noted by means of the example of the images in the stories of Ap. Grigoriev (Zvanintsev, Imeretinov) and the images-symbols of masks, dolls, automatons, puppets of E.T.A. Hoffman’s stories (“The Sandman”, “Automatons”, etc.). And, finally, attention is drawn to the fact that duality as one of the key problems of Hoffman’s work is being developed in Grigoriev’s novels (the “mirroring” of the twin heroes Zvanintsev – Vertebrae, Sevsky; Imeretinov – Chabrin). The results of the conducted research show a bright layer of Hoffmann intertext in the stories “One of Many” and “The Other of Many” by A. Grigoriev, which allows us to talk about the work of the Russian writer as a significant stage in the formation of the Hoffmann text (“supertext”) of Russian literature.

Key words: the prose heritage of Ap. Grigoriev, “Hoffman text of Russian literature”, “Hoffman complex”, Hoffman type of hero, heroes-doubles, the problem of spiritual death

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.2.151-168

Тема «Гофман и русская литература первой половины XIX века», казалось бы, достаточно хорошо изучена, и утверждение о том, что немецкий писатель Э.Т.А. Гофман стал для русской литературы XIX века знаковым писателем, не вызывает сомнения. Об этом писали А.С. Янушкевич, Б. Удодов, С.И. Родзевич, С.С. Игнатов, М.А. Петровский, З.П. Серапионова, А.Б. Ботникова, В.К. Кантор, П.Е. Фокин, Г.К. Щенников и др.¹, которые обращали вни-

¹ См.: Янушкевич А.С. Гофман в России. В.Г. Белинский о Гофмане // Ученые записки Томского университета. 1973. № 83. С. 38–49 [1]; Удодов Б. Судьба Гофмана в России // Подъем. 1978. № 4. С. 154–157 [2]; Родзевич С.И. К истории русского романтизма (Э.Т.А. Гофман и 30–40-е годы в нашей литературе) // Русский филологический вестник. Варшава, 1917. Т. 77, № 1–2. Отд. 1. С. 194–237 [3]; Петровский М.А. О влиянии Гофмана на русскую литературу. Беседы // Сборник общества истории литературы в Москве. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. 24 с. [4]; Гроссман Л.П. Гофман, Бальзак и Достоевский // Журнал искусства и литературы. М.: Тип. К.Ф. Некрасова, 1914. Май, № 5. С. 87–96 [5]; Игнатов С.С. Погорельский и Гофман // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. 72, № 3–4. С. 250–278 [6]; Серапионова З.П. Гофма-

мание на сходные с Э.Т.А. Гофманом сюжетные ситуации, образы и мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.Ф. Одоевского, А. Погорельского, А.К. Толстого, Н.А. Полевого, В.Н. Олина, Н.А. Мельгунова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Действительно, популярность Гофмана в России в первой половине XIX века способствовала появлению многочисленных подражаний немецкому писателю, а также привела к попыткам переосмысления его проблематики, образов и мотивов. В связи этим можно говорить о начале формирования в середине XIX века «гофмановского текста русской литературы», под которым мы понимаем «персональный» текст или «сверхтекст», включающий в себя ряд макрокомпонентов: сюжеты, образы, проблематику и стилистику, характерные для писателя; «гофмановский комплекс», мифологизированный образ самого Гофмана (имя – миф), а также мифологизированные образы его героев².

Однако круг русских писателей и поэтов, в творчестве которых проявились гофмановские традиции, значительно шире. Например, малоизученным или вовсе не изученным остается гофмановское влияние на творчество В.А. Жуковского, В.К. Кюхельбекера, В. Даля, А. Кончеозерского, И.И. Панаева, Н.Д. Ахшарумова и др. Целью нашего исследования является продолжение работы над произведениями русской литературы XIX–XX веков, в которых нашли отражение традиции Гофмана, что дает возможность расширить круг источников, формирующих «гофмановский текст русской литературы». В качестве одного из таких источников предлагается рассмотреть творчество Ап. Григорьева, произведения которого наполнены гофмановскими аллюзиями, что уже было отмечено такими литературоведами, как В.В. Кудасов, Е.Е. Гродская, О.А. Ковалев, Б.Ф. Егоров³. Однако исследователи, как прави-

новские мотивы в Петербургских повестях Гоголя // Литературная учеба. 1939 сентябрь. № 8, С. 78–91 [7]; Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. К проблеме рус. – нем. литературных связей. Воронеж: Воронежский институт, 1977. 208 с. [8]. Кантор В.К. Магические герои и тоталитарное будущее (Крошка Цахес и Павел Смердяков) // «Две Европы Достоевского». М., 2021. 140 с. [9]; Фокин П. Один сюжет из истории формирования личности русского романиста (Гофман и Достоевский) // В мире Э.Т.А. Гофмана: сб. ст. / под ред. В.И. Грешных. Калининград: Гофман-центр, 1994. Вып. 1. С. 151–157 [10]; Щенников Г.К. «Двойник» Достоевского как творческий диалог с Э.Т.А. Гофманом // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. СПб., 2008. С. 58–65 [11].

² См.: Королева В.В. «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2021. № 71. С. 270–281 [12].

³ См.: Кудасова В.В. Проза Ап. Григорьева 40-х годов XIX века // XXIX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977. С. 27–30 [13]; Гродская, Е.Е. Автобиографический герой Аполлона Григорьева: Поэзия, проза, критика, письма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 23 с. [14]; Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Ап. Григорьев. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Сер. Литературные памятники Л.: Наука, 1980, С. 337–368 [15]; Ковалев О.А. Проза Аполлона Григорьева в контексте русской литературы 30–60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Томский ун-т. Томск, 1995. 18 с. [16].

ло, обращаются лишь к одному аспекту, который сближает Ап. Григорьева и Гофмана, – двойничеству. Так, например, Б.Ф. Егоров гофмановские истоки в прозе Григорьева видит, прежде всего, в утрированной двойственности персонажей. В.В. Кудасова, а затем О.А. Ковалев, рассуждая о двойничестве в ранней прозе Григорьева, связывают его с романтической традицией. Е.Е. Гродская также отмечает преемственность у Ап. Григорьева гофмановского типа двойника, который строится по принципу антитезы и бинарных оппозиций. Кроме того, Б.Ф. Егоров обращает внимание на то, что Ап. Григорьев заимствовал у Гофмана заглавие своего первого очерка – «Листки из рукописи скитающегося софиста» (сравни: «Листки из дневника странствующего энтузиаста» из сборника произведений Гофмана «Фантазии в манере Калло»)⁴.

Таким образом, анализ гофмановской поэтики в произведениях Ап. Григорьева, на наш взгляд, является актуальным вопросом, исследование которого поможет изучить процесс трансформации гофмановской проблематики и стилистики в художественном мире «последнего русского романтика», что позволит глубже раскрыть специфику формирования «гофмановского текста русской литературы» XIX века.

«Гофмановский комплекс» в повестях Ап. Григорьева «Один из многих» и «Другой из многих»

О серьезном увлечении Ап. Григорьева Гофманом свидетельствуют неоднократные упоминания им имени немецкого писателя в книге «Воспоминания» и критических работах, в которых он не только демонстрирует свой интерес к творчеству немецкого романтика, но и утверждает мысль о значимости Гофмана для русской и мировой литературы. Например, в статье «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» (1861 г.) Ап. Григорьев отмечает, что Гофмана почитали в России и все русское общество ждало фантастические сказки Гофмана⁵. Проводя параллель с другими национальными литературами, в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862 г.) он называет Гофмана «достоянием общечеловеческого интереса», наряду с именами других великих писателей: Шекспира, Байрона, Диккенса и Теккерея, Гете, Шиллера, Гейне, Данте и Мицкевича, Гюго и Санд⁶, а также использует имя Гофмана в качестве символа немецкой культуры, олицетворяющего собой эпоху немецкого романтизма. В книге очерков-воспоминаний «Мои литературные и нравственные скитальчества» Ап. Григорьев, анализируя сущность русского романтизма, сравнивает его с немецким и отмечает, что немец «всякую мысль,

⁴ См.: Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева. С. 337–368.

⁵ См.: Григорьев Ап. Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики <https://philolog.petsu.ru/fmdost/vremja/1861/MARCH/evrpis.htm>. (дата обращения 02.08.2022) [17].

⁶ См.: Григорьев Ап. Литературная критика / сост., вступ. статья и примеч. Б.Ф. Егорова. М.: Худож. лит., 1967. 631 с. [18].

как бы она ни была дика или смешна, доводит до самых крайних граней»⁷, и в качестве примера приводит Гофмана, отмечая цельность и самобытность его как писателя: «Гофман – такое явление, которое может и должно быть принято или отвергнуто целиком...» [17].

На наш взгляд, гофмановские традиции в творчестве Ап. Григорьева отразились в поэзии (поэма «Venezia la bella»), литературной критике, но в большей степени в прозе, особенно в повестях «Один из многих» (1846 г.) и «Другой из многих» (1847 г.). Согласно нашей гипотезе, черты гофмановской поэтики в повестях Григорьева проявляются комплексно («гофмановский комплекс»⁸) и характеризуются общностью их стилистики («разрушительная ирония»), обращением Григорьева к гофмановскому типу героя (Медардус из романа Гофмана «Эликсиры дьявола»), в душе которого борются божественное и дьявольское (Званинцев («Один из многих») и Имеретинов («Другой из многих»)), которые стремятся управлять судьбами других и страдают от внутреннего раздвоения, а также сходной проблематикой. Ап. Григорьев, вслед за Гофманом, осмысливает проблему насильственного воздействия на личность другого, основанную на идее магнетизма (проблема утраты собственного Я): Званинцев («Один из многих») влияет на Позвонцева, Мари Волоскую, Лидию, Севского, управляя ими, как марионетками; Имеретинов («Другой из многих») воздействует на Лизу, Прасковью Рассветову и Софью Счастную, лишая их интереса к жизни, а также пытается управлять Чабриным, превратив его в своего двойника. Вслед же за Гофманом Ап. Григорьев обращается и к проблеме духовного омертвения человека, которая проявляется в кукольности Лидии и в разрушительном, «омертвляющем» влиянии Званинцева и Имеретинова на своих «жертв» (сравни: тематизация проблемы механизации жизни и человека, которую Э.Т.А. Гофман разрабатывал через образы-символы маски, куклы, автомата, марионетки («Песочный человек», «Автоматы» и др.). Ап. Григорьев («Эликсиры дьявола», «Двойник» и др.) переосмысливает свойственную творчеству Гойфмана проблему двойничества, выстраивая героев-двойников по принципу «зеркальности»: Званинцев – Позвонцев, Севский; Имеретинов – Чабрин.

Проблема насильственного воздействия на личность другого человека в повестях Ап. Григорьева «Один из многих» и «Другой из многих»

Главные герои повестей Ап. Григорьева Званинцев («Один из многих») и Имеретинов («Другой из многих») играют судьбами других, пытаясь ими управлять, что нередко приводит к трагедии. Обращаясь к этой теме, Григорьев

⁷ См.: Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Воспоминания. Книга из серии: Литературные памятники. Л.: Наука, 1980. С. 58 [19].

⁸ См.: Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков. Владимир: Шерлок Пресс, 2020. 305 с. [20].

ев продолжает традиции Гофмана, который стал одним из первых в литературе, кто серьезно изучил, а затем описал состояние человека, на которого влияет другой человек («Магнетизер» (1814 г.), «Зловещий гость» (1819 г.), «Состязание певцов» (1818 г.), «Стихийный дух» (1821 г.), «Двойники» (1821 г.) и «Эликсиры дьявола» (1915 г.)). Гофман проявлял интерес к гипнозу и магнетизму, которые он считал особым видом рабства, когда человека насильно заставляют делать то, что для него несвойственно. Создавая образы жертвы и узурпатора, немецкий писатель опирался на известные в те времена научные трактаты Г.Г. Шуберта «Символика сна» и «Воззрения на ночную сторону естествознания»⁹ и К.А.Ф. Клуге «Опыт изображения животного магнетизма как способ лечения»¹⁰. Гофман акцентирует свое внимание на разработке двух аспектов магнетизма, которые, по его мнению, могут угрожать личности человека: утрата собственного «Я» и наслаждение властью. Например, в рассказе «Магнетизер» Теобальд хочет воздействовать на Марию, чтобы привязать ее к себе: «Полностью втянуть Марию в свое „я“, все ее существо и бытие столь тесно переплести с моими, чтобы отрыв от меня стал для нее гибельным, – таковы мои помыслы» [23, с. 184]. Подобный пример магнетизма мы находим и в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», где Аврелия во время встречи с Медардом в монастыре погружается в сомнамбулическое состояние.

В повести «Один из многих» Ап. Григорьев создает образ Званинцева, который, обладая деньгами и влиянием, использует людей. На первый взгляд, он выступает для них благодетелем, но в действительности преследует свои цели. В качестве «жертвы» он выбирает Севского, на которого смотрит как «художник на произведение искусства», поэтому утверждает свое право управлять им: «Да я не спрашиваю вашего позволения. ... Я вас люблю, и буду любить в вас себя, и сделаю вас собою»¹¹ и добивается доминирования. Званинцев претендует на роль властителя человеческих судеб. В ответ на обвинения окружающих в преследовании он заявляет: «Да я – и все я, и везде я...»¹². Ему нравится играть на чужих слабостях, и он сознательно их испытывает. Григорьев подчеркивает «неподвижный, сильный, магнетический, взгляд»¹³ Званинцева, а также агрессивный и бескомпромиссный характер в отношении к своей «жертве»: «он вонзился взглядом в свою жертву, как тигр, готовый к вечной обороне»¹⁴.

⁹ Schubert G.H. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden, 1808. 87 с. [21].

¹⁰ Kluge C.A. F. Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel. Berlin, 1811. 511 s. [22].

¹¹ См.: Григорьев А.А. Один из многих // Воспоминания. Книга из серии: Литературные памятники. Л.: Наука, 1980. С. 196 [24].

¹² Там же. С. 233.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же.

Званинцев управляет и Лидией, как марионеткой, неслучайно в ее облике просматриваются черты кукольности: «девочка лет пятнадцати, маленькая, как кукла, вся – выточенная, как кукла, но выточенная великим художником»¹⁵. Ее портрет завершает кукольный наряд: «фантастически-театрально: белое платье, короче обыкновенных модных, черный бархатный спенсер, венок на голове. ... Это была, казалось, театральная гитана»¹⁶. Званинцев подчиняет Лидию себе, «придумывая» ее судьбу. Он сам признается в финале повести: «Я ... предвидел вашу судьбу и свою роль, ... я был уверен в том, что вы меня будете любить, с первой нашей встречи, ... я сказал себе: она должна быть моей рабой»¹⁷. Званинцев не скрывает, что любит Лидию как свое творение: «Я тебя люблю, потому что я тебя создал...»¹⁸. Его отношение к Лидии воспроизводит миф о Пигмалионе и Галатее («я ее любил, но и на нее даже смотрел я как на камень: выдержит обделку – хорошо, не выдержит – что делать!»¹⁹), который ярко прослеживается и в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», где художник Франческо создает портрет святой Розалии в образе богини Венеры, а потом вступает в брак с ожившей девушкой с портрета.

Гофмановские традиции в осмыслении проблемы магнетизма особенно ярко проявляются в сцене маскарада, которая раскрывает тайный смысл планов Званинцева – завладеть душой Лидии. Атмосфера маскарада, на котором разговоры некоторых участников ведутся на немецком языке, а также костюм монаха-капуцина у Званинцева усиливают гофмановские аллюзии на сюжетную линию Медардус – Аврелия – Викторин из «Эликсиров дьявола» Гофмана. Званинцев надевает одежды капуцина и следует за Лидией так, что у Севского складывается ощущение того, что соперник следит за ней. Григорьев использует сюжетный ход романа Гофмана, в котором главный герой Медардус, будучи монахом-капуцином, переодевается в светскую одежду, чтобы скрыть свою личность. Его родственник Викторин, который похож на него как две капли воды, наоборот надевает одежды монаха. Они оба преследуют Аврелию. Медардус пылает к ней запретной страстью, но в порывах безумия нападает на нее с ножом. Викторин же доводит замыслы Медардуса до конца, убив Аврелию.

Проблема насильственного воздействия на личность другого человека, а также проблема утраты собственного Я поднимается Григорьевым и в повести «Другой из многих». Василий Имеретинов, будучи больным чахоткой, понимает, что жить ему осталось недолго, поэтому решает попробовать себя в качестве вершителя человеческих судеб. На его личность оказывает влияние дядя Александр, который, по всей видимости, был масоном. Ощущение неизбежно-

¹⁵ См.: Григорьев А.А. Один из многих // Воспоминания. Книга из серии: Литературные памятники. С. 214.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 260.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

сти своего скорого конца делает его равнодушным и жестоким к окружающим. Для Имеретинова высшее наслаждение – «опутать людей силками ума, как паук опутывает мух паутиной...»²⁰. Александр Имеретинов предупреждает племянника, что он перешел границу между добром и злом, светом и тьмой: «Мало было тебе быть царем стихий – ты восхотел сам жить их жизнью... Живи же, но помни, что строго мстит за себя оскорбленное начало света, что в самом тебе откроется темная бездна, которая окутает узами скорби и мрака все светлые начала души твоей» [25]. Довольно точно подмечает специфику влияния Имеретинова на людей Похорцев: «...не простой развратник обладал вашим сыном, но, можно сказать, – дух – искуситель, принявший образ молодого юноши; что Иван Петрович, по доброму сердцу своему, подчинился самому тяжкому деспотизму» [25].

Имеретинов имеет много общего с героем романа Гофмана «Эликсиры дьявола» Медардусом, который ставит себя выше других, претендуя на роль Божьего избранника: «Тогда во мне и проснулась мысль о моем особом предназначении свыше; ... что мой дух, причастный к горнему, уже теперь превышает всего земного, и я чужой не только миру, но и роду человеческому» [26]. Он, как и Евфимия, считает себя вправе распоряжаться человеческими судьбами (Евфимия: «Господствуй со мною над глупым кукольным миром, который вращается вокруг нас»²¹).

Главными жертвами Имеретинова становятся женщины: Прасковья Расветова, Лиза и Софья Счастливая. Прасковья, попав под его влияние, не может остановиться: «Я подчинялась как раба его капризам: я так ясно видела, что он меня не любит, что он меня не может любить; что средство удержать его одно – повиноваться ему беспредельно»²². Она ради него готова на любые жертвы и даже на смерть: «О, да! он возвел меня на бесконечную высоту ... Прикажи – и я умру ... Да, все, что свет зовет преступлением, я это делаю...»²³. Он одурманивает Лизу «со змеиной улыбкой на губах» так, что она готова идти за ним на край света – «без страха, без сожаления, без любви, даже без вражды...»²⁴, и это влияние доводит ее до самоубийства.

Его последняя «жертва» – Софья Счастливая. Чувства, которые возникают у Имеретинова к Софье, привносят сомнения в его душу. Благодаря влиянию дяди, погруженный в скептицизм, он отрекся от человеческих чувств, превратившись в мертвеца. Софья же поколебала его духовное состояние. Имерети-

²⁰ См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022) [25].

²¹ См.: Гофман Э.Т.А. Эликсиры дьявола // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 6 т.: пер. с нем. / сост. А.Б. Ботниковой и А. Корельского; предисл. А. Корельского; редкол.: А.Б. Ботникова [и др.]. М.: Худож. лит., 1994. Т. 2. С. 76 [26].

²² См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

нов приходит к мысли, что высшей истиной, которую он так хотел познать, является любовь к женщине: «Для чего, человек и женщина, не могли мы уничтожиться один в другом, слиться в одну мысль, в одну говорящую силу, разливающую сияние любви и света...»²⁵. Глядя на Софию, он признается в своем поражении, восклицая: «условие Мефистофеля выполнено...». Под этой фразой он понимает фаустовское обещание отдать душу Мефистофелю, как только он испытает удовлетворение от жизни и у него возникнет желание продлить это счастливое мгновение. Однако даже это не останавливает Имеретинова перед выполнением намеченной цели, и он добивается падения Софии: «Она отдалась мне с беспечностью ребенка... она моя. ... Пусть я погублю ее – я ее люблю; губя ее, я гублю и себя»²⁶.

Проблема духовного омертвения человека в повестях Ап. Григорьева

Проблема механизации жизни и человека, которая была поставлена Э.Т.А. Гофманом в новеллах «Песочный человек», «Автоматы» и др., реализуется у Ап. Григорьева, как проблема духовного омертвения человека. В повестях Григорьева можно проследить два аспекта данной проблемы: омертвление души самого героя, который определяет свое право распоряжаться судьбами других, и разрушительное воздействие влияния на личность другого, что приводит «жертву» к утрате интереса к жизни и провоцирует ее на смерть.

Главный герой повести Григорьева «Один из многих» Званинцев утверждает мысль, что привязанность делает человека слабым, а «любовь ... свободного человека рабом, который повсюду волочит за собою свою цепь...»²⁷. Превратившись в бесчувственный автомат, Званинцев получает удовольствие, играя судьбами других: «На чем основывается эта власть? На том, что я ни в чем и ни в ком не имею нужды, что я свободнее всех, что я убил в себе всякую привязанность, что на все и на всех смотрю я, как на шашки, которые можно переставлять и, пожалуй, уничтожать по произволу, что для меня нет границ, за которые я не смел бы пойти...»²⁸. Например, его манипуляция с Мари Волловской совершенно лишена чувств с его стороны. А его роль обиженного влюбленного всего лишь месть за обиду, которую она ему нанесла, и Званинцев не отказывается от ее наказания даже после раскаяния Мари. Он провоцирует ее выйти за рамки состояния предела, что приводит ее к смерти: «О, Мари, что за любовь, у которой есть пределы! – Ты хочешь, чтобы я умерла, – сказала Волловская боязливо и грустно, – ты знаешь... я твоя раба... ты знаешь это, но я

²⁵ См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Григорьев А.А. Один из многих. С. 201.

²⁸ Там же. С. 201.

умру, я умру...»²⁹. Разрушительное воздействие Званинцева на своих жертв отмечает и Лидия: «Вы уморили Воловскую... не возражайте, я это знаю... я этому верю... вы любить не можете, ваша любовь – смерть»³⁰.

Другой «жертвой» Званинцева становится Позвонцев, который попал под его влияние, несмотря на материальную поддержку со стороны своего наставника, теряет желание жить, так как начинает чувствовать себя ничтожным на фоне своего «благодетеля»: «Друг, брат, отец мой!.. ты вырвал меня из омута, но ты не мог возвратить мне моего прошедшего. Я хотел быть выше всех, я не был равен с тобою, я любил снова... но, не имея силы быть в любви властелином, я не хочу быть рабом. К чему жить, когда я не умею властвовать жизнью...»³¹. В результате Позвонцев, утратив свое «Я», заканчивает жизнь самоубийством.

Главный герой повести «Другой из многих» Имеретинов предстает перед нами как человек с «мертвой» душой. Неслучайно в описании его облика подчеркиваются черты мертвенности, особенно во взгляде: «неподвижный взгляд его был мертвен, как взгляд трупа, – тяжелый, ужасный взгляд!..»³². Имеретинов объясняет причину своего безразличия к окружающим: его внутренний мир слишком чувствителен для «правды жизни», поэтому он скрывает свою душу под толстой ледяной броней эгоизма: «бесстрастный ко всему, – я не знаю ни к чему сожаления... Но ты знаешь один, как бесконечно различны я и мои действия, как тяжелая правда жизни не по силам моему хрупкому и слабому составу» [25]. Истоки такого отношения к реальной действительности закладываются в эстетике романтизма: романтический герой чувствует невозможность противостоять миру реальному, где его не воспринимают как личность, поэтому пытается найти выход в мире идеальном. У Григорьева мы видим другой вариант трансформации романтического героя – попытку уйти от болезненной реальности, превратиться в бесчувственного эгоиста, скрыть свою истинную личность. Как результат – появление inferнальных черт у героя, например у Имеретинова: «бархатные и совершенно неподвижные глаза... Странные глаза – и видят они насквозь человека и вместе с тем всегда погружены во что-то беспредметное, неопределенное, беспредельное»³³. Яркий пример такого героя – Медардус из романа Гофмана «Эликсиры дьявола». Таким образом, новым героем эпохи становится скрывающийся под маской эгоиста бывший романтический герой, и это явление становится массовым. Неслучайно, Званинцев – один из многих, так же как и Имеретинов.

²⁹ См.: Григорьев А.А. Один из многих. С. 201.

³⁰ Там же. С. 259.

³¹ Там же. С. 241.

³² См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

³³ Там же.

Имеретинов действует на свои «жертвы» разрушающе, что приводит их к утрате интереса к жизни и провоцирует пойти на смерть. Например, Лиза свидетельствует, что Имеретинов опустошает душу человека: «С тех пор жизнь моя снова сливалась с твоею, с тех пор ты был моим вождем на том пути, которым сам ты шел... В душе моей ни одного отрадного чувства; все как-то пусто, пусто за мною и предо мною...» [25]. В подобное состояние впадают и другие герои-жертвы повестей Григорьева. Они утрачивают себя как личности, чувствуют душевное опустошение, поэтому либо умирают (Позвонцев, Лиза и Мария Воловская), либо теряют интерес к жизни, мечтая о смерти (Прасковья Рассветова).

Проблема двойничества в повестях Ап. Григорьева: «зеркальность» персонажей

Характерная для русской литературы игра с двойниками, своим или чужим сознанием, восходит к Гофману, ставшему одним из первых, кто глубоко затронул эту проблему в литературе («Эликсиры дьявола», «Двойники» и др.). На двойственный характер героев Григорьева указывают многие исследователи творчества русского поэта, отмечая гофмановские истоки природы двойничества его героев. Так, В.В. Кудасова пишет, что «герои у Григорьева, как правило, ведут именно двойственную жизнь в самых различных сферах: в социальной, профессиональной, любовной, дружеской... Несомненно, такая утрированная двойственность, ведущая в перспективе к двойничеству, связана с глубокой романтической традицией (Гофман, Гейне, Гоголь и т. д.)»³⁴. Б.Ф. Егоров, анализируя истоки традиции двойничества у Григорьева, которые, по его мнению, восходят к Гофману, Гоголю и Достоевскому, считает причины его появления у Григорьева автобиографическими: «Григорьев как личность в какой-то степени освобождался от своей двойственности на грани двойничества, воплощая в художественных романтических образах некоторые двойнические черты (или стремления) своей натуры: страстная экзальтация, демонизм и т.п.» [15, с. 337–368].

Дуализм героев Григорьева в повестях «Один из многих» и «Другой из многих» во многом представлен в рамках традиции романтизма, как у Гофмана. Двойственность героя-двойника основана на антитезах добро–зло и божественное–дьявольское, когда герой борется со своими внутренними и внешними двойниками и под влиянием рока не может противостоять своей внутренней борьбе, как в романе «Эликсиры дьявола».

Особенность двойников Григорьева – их зеркальность. Например, в повести «Один из многих» Званинцев заявляет Севскому: «Я вас люблю, вот и все

³⁴ См.: Кудасова В.В. Проза Ап. Григорьева 40-х годов XIX века. С. 27–30.

тут... я в вас люблю самого себя, свою молодость»³⁵, – и создает себе двойников, которые отражаются в нем. На их фоне он кажется более уверенным в себе и достойным. Именно так он поступает с Позвонцевым. Званинцев дает людям, которых выбирает в жертву, осознание своей слабости, ничтожности: «я представляю людей их собственному произволу. Чему устоять – то устоит, чему погибнуть – то погибнет»³⁶. Не желая признавать свое поражение, они, как правило, отступают (Позвонцев, Севский). В связи с этим взаимоотношения героев построены не на взаимной любви, а на соперничестве. «Итак, мы не друзья, ... мы – враги»³⁷. Они представляют собой единство и борьбу противоположностей. В то же время Званинцев выбирает себе в двойники достойного противника, натуру, которая не любит, чтобы ей управляли: «я бы презирал вас, если бы вы согласились играть когда-либо второстепенную роль. Потому-то я и имею причины вас любить, что ваша натура, как моя же, не признает над собою высшей»³⁸. Традиция воспринимать двойника как врага, восходит к Гофману. Например, в его новелле «Принцесса Брамбилла» главный герой Джильо, завидев своего двойника, бросается в поединок: «Враги опять крепко обнялись, плача, рыдая, растроганные возвышенностью своего поведения, и снова злобно напали друг на друга»³⁹. По мнению Гофмана, в поединке героя и двойника всегда неизбежно вытеснение одного другим.

Специфика двойничества у Григорьева была точно подмечена О.А. Ковалевым: «Для поэтики Григорьева ключевыми являются идея другого человека как зеркала и идея призрачной жизни. Отразить в себе самого себя – значит выйти, по Григорьеву, за пределы самого себя» [16, с. 13]. Действительно, герои Григорьева создают себе двойников, чтобы смотреться в них, как в зеркало, что мы и наблюдаем в повести «Один из многих» в отношениях Званинцев–Позвонцев, Севский и в повести «Другой из многих» – Имеретинов–Чабрин.

В повести Григорьева «Другой из многих» главный герой повести Имеретинов не только выбирает себе в жертву человека, который является его отражением, но и сам имеет внутреннюю раздвоенность, которая заложена и в характере, и в портретной характеристике героя, что подчеркивается всеми персонажами повести: Прасковья говорит о нем, что он «женщина с улыбкой дьявола, ребенок с силою мужа»; Зарницын называет его «чудовищным созданием», «дьяволом в теле ребенка», «женщиной с прихотями кокетки, с камнем вместо сердца»⁴⁰. Людей привлекает в нем смесь порока, зла и красоты, а так-

³⁵ См.: Григорьев А.А. Один из многих. С. 195.

³⁶ Там же. С. 246.

³⁷ Там же. С. 196.

³⁸ Там же. С. 196.

³⁹ См.: Гофман Э.Т.А. Принцесса Брамбилла // Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: в 6 т.: пер. с нем. / сост. А.Б. Ботниковой и А. Корельского; предисл. А. Корельского; редкол.: А.Б. Ботникова [и др.]. М.: Худож. лит., 1996. Т.3. С. 360 [27].

⁴⁰ См.: Григорьев, А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

же масштабность личности. Прасковья говорит: «В тебе все, и зло и благо... Твоя душа широка как море, глубока как бездна. Всем, всем можешь ты быть – и величайшим из подвижников и величайшим из злодеев» [25]. Такая внешность героя делает его почти неземным, inferнальным существом: «О! как он был прекрасен, мой стройный, мой прозрачно-бледный, страшный милый, закутанный в свой полуфантастический плащ, с задумчивыми очами, устремленными в беспредельное пространство!»⁴¹.

Василий Имеретинов, испытывая внутреннюю двойственность, напоминает Медардуса из романа Гофмана «Эликсиры дьявола», который мечется между Богом и человеком, между верой и неверием. Двойником Имеретинова является Чабрин, которого он сам выбирает себе в «жертвы», планируя уподобить его себе. Имеретинов не верит в глубину человеческих отношений, он утверждает, что «люди вообще таковы, ... что связать их между собою крепко может разве только общее преступление»⁴². Он стремится управлять судьбой Чабрина: поселяется у него дома, пытается отбить Софью, влюбляя ее в себя. Молодой человек, все глубже попадая под влияние Имеретинова, которого он называет «друг, брат, наставник», начинает видеть мир сквозь призму знаков и символов, которые ему внушает наставник. У него появляются галлюцинации, например, образ змея: «повсюду и во всем вижу я обвившего все страшного змея, и как мне гнусны теперь все – все земные наслаждения»⁴³. Ему снятся странные сны, в которых Имеретинов является перед ним «окруженный оболочкою света, в белой одежде, с челом, поднятым к светилам»⁴⁴.

Однако Чабрин единственный из героев находит в себе силы противостоять Имеретинову и одерживает победу над своим узурпатором. Чувства, которые испытывает Чабрин в процессе этой борьбы, напоминают отчаяние Медардуса из романа Гофмана: «Я все более убеждался, что не я, а посторонняя власть, внедрившаяся в меня, навлекает невероятное, а я сам – лишь безвольное орудие, которым она пользуется ради неведомой цели. Сознание этой двойственности, расщепившей мой внутренний мир, обнадеживало меня, предвещая произрастание моей собственной внутренней силы, способной противостоять врагу и одолеть его» [26, с. 127]. Чабрин, понимая, что Имеретинов пытается завладеть его душой, вызывает его на дуэль и убивает: «Нам двоим нельзя жить на свете... *вы* это знаете тоже... *ты* это знаешь, Имеретинов, – говорил он больше с грустью, чем с негодованием...»⁴⁵.

⁴¹ См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

Специфика «разрушительной иронии» в повестях Ап. Григорьева

Ярким стилистическим приемом Ап. Григорьева в повестях «Один из многих» и «Другой из многих», унаследованным от Гофмана, является «разрушительная ирония». По мнению Григорьева, о чем он пишет в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859 г.), Гофмана можно признать мастером иронии⁴⁶. Рассуждая о юморе немецкого писателя, Григорьев определяет причину такого интереса Гофмана к сатирическому: «Юмор Гофмана только в эксцентричностях находит спасение от удушливой тюрьмы мещанства и филистерства» [18, с.198]. Действительно, Гофман в своем творчестве нередко обращался к «созидательной» иронии и гротеску, которые помогали ему уйти от губительного влияния действительности («Принцесса Брамбилла», «Королевская невеста» и др.). Однако в ряде произведений («Эликсиры дьявола», «Песочный человек» и др.) проявляется «разрушительная ирония», которая отражает неверие автора в возможность достижения идеала в современном обществе, обезличивающем человека. Отсюда в произведениях Гофмана появляется смех с элементами трагического и мир, полный гротеска.

Гофмановская ироническая традиция оказалась близка русской литературе, что способствовало появлению «разрушительной иронии» на русской почве. Творчество Григорьева является ярким тому примером, так как его главные герои становятся носителями «разрушительной иронии»: они воспринимают мир и людей только с позиции своей выгоды и стремятся разрушить целостность личности другого. Ирония является крайним проявлением «омертвения души» у героев. Неслучайно в повести «Другой из многих» окружающие отмечают у Имеретина присутствие змеиной улыбки и злобно-насмешливого взгляда. Ирония становится главным оружием Имеретина, разрушающим чувство духовной близости с окружающими: «Но только что хотела я вполне предаться моему чувству, он опять уничтожил меня своей вечной иронией»⁴⁷. Имеретин заражает окружающих злой иронией: «отвратительно смешным; над всем, чему я верила прежде, я теперь смеюсь, как он же... О! я понимаю, почему все люди кажутся ему ничтожны и жалки»⁴⁸. Они начинают смотреть на мир с присущим ему сарказмом и иронией, чувствуют свою и человеческую ничтожность вообще, поэтому погибают (Лиза) или хотят своей смерти (Прасковья).

⁴⁶ См.: Григорьев Ап. Литературная критика. С. 198.

⁴⁷ См.: Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).

⁴⁸ Там же.

Своеобразие восприятия гофмановских образов в художественном мире Ап. Григорьева

Важным вкладом Ап. Григорьева в русскую литературу стало переосмысление гофмановского типа демонического героя таинственного и властного, который восходит к Медардусу из романа Гофмана «Эликсиры дьявола». В отличие от гофмановского героя, который боится божьей кары, главные действующие лица Григорьева (Имеретинов, Званинцев) отличаются расчетливым эгоизмом и отсутствием страха перед Богом. Григорьев заимствует у Гофмана и глубокий психологический анализ поступков демонического героя, которые он сам не всегда может объяснить. Однако между гофмановским и григорьевским героями есть принципиальная разница: в душе Медардуса борются дьявольское и божественное, но в итоге побеждает любовь к Богу, поэтому он возвращается в лоно религии, покаявшись в своих грехах. Герои Ап. Григорьева ставят себя наравне с Богом, считая вправе решать судьбы других. Для русского писателя анализ мотивации своего героя в определенной ситуации – это психологический эксперимент над личностью, которая пытается пойти дальше в отрицании Бога. Именно такой тип героя, сформировавшийся на основе романтической традиции, но получивший новое содержание на русской почве, станет открытием для русской литературы и найдет воплощение в творчестве Ф.М. Достоевского (Ставрогин, Иван Карамазов), а затем в прозе символистов (З. Гиппиус, В. Брюсов, А. Белый, Ф. Сологуб и др.).

Ап. Григорьев переосмысливает и гофмановскую традицию двойничества, которую использует для создания демонического образа главного героя. Гофмановский тип двойничества основан на преследовании главного героя inferнальным двойником, который пытается захватить его личность, одновременно сам герой, чтобы скрыть свою принадлежность к церкви, использует имя другого человека. Медардус становится послушной игрушкой в руках судьбы. Герои Ап. Григорьева же сознательно создают себе двойников, чтобы на их фоне выглядеть более достойными, а затем уничтожают их, делая это расчетливо и целенаправленно. Главные герои русского писателя, играя в Бога, утрачивают человеческое начало, превращаясь в бездушных мертвецов. Они не способны раскаиваться, в отличие от гофмановского Медардуса.

Следует отметить, что у Ап. Григорьева меняются и женские персонажи, они, вслед за главным героем, ищут Бога в человеке, а не в религии, что приводит их к трагедии (Мари Воловская, Лиза, Прасковья Рассветова, Софья Счастливая).

Таким образом, изучение произведений Ап. Григорьева в контексте творчества Гофмана не только помогает проследить трансформацию гофмановской проблематики, образов и мотивов в эпоху «заката» романтизма, но и вносит вклад в описание специфики формирования «гофмановского текста русской литературы».

Список литературы

1. Янушкевич А.С. Гофман в России. В.Г. Белинский о Гофмане // Ученые записки Томского университета. 1973. № 83. С. 38–49.
2. Удодов Б. Судьба Гофмана в России // Подъем. 1978. № 4. С. 154–157.
3. Родзевич С.И. К истории русского романтизма (Э.Т.А. Гофман и 30–40-е годы в нашей литературе) // Русский филологический вестник. Варшава, 1917. Т. 77, № 1–2. Отд. 1. С. 194–237.
4. Петровский М.А. О влиянии Гофмана на русскую литературу. Беседы // Сборник общества истории литературы в Москве. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. 24 с.
5. Гроссман Л.П. Гофман, Бальзак и Достоевский // Журнал искусства и литературы. М.: Тип. К.Ф. Некрасова, 1914. Май, № 5. С. 87–96.
6. Игнатов С.С. Погорельский и Гофман // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. 72, № 3–4. С. 250–278.
7. Серапионова З. Гофмановские мотивы в Петербургских повестях Гоголя // Литературная учеба. 1939. Сентябрь, № 8. С. 78–91.
8. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Воронежский университет, 1977. 208 с.
9. Кантор В.К. Магические герои и тоталитарное будущее (Крошка Цахес и Павел Смердяков) // Две Европы Достоевского. М., 2021. 140 с.
10. Фокин П. Один сюжет из истории формирования личности русского романиста (Гофман и Достоевский) // В мире Э.Т.А. Гофмана: сб. ст. / под ред. В.И. Грешных. Калининград: Гофман-центр, 1994. Вып. 1. С. 151–157.
11. Щенников Г.К. «Двойник» Достоевского как творческий диалог с Э.Т.А. Гофманом // Достоевский и мировая культура. Альманах № 24. СПб., 2008. С. 58–65.
12. Королева В.В. «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 71. С. 270–281.
13. Кудасова В.В. Проза Ап. Григорьева 40-х годов XIX века // XXIX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л., 1977. С. 27–30.
14. Гродская Е.Е. Автобиографический герой Аполлона Григорьева: Поэзия, проза, критика, письма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 23 с.
15. Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Ап. Григорьев. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Сер. Литературные памятники. Л.: Наука, 1980. С. 337–368.
16. Ковалев О.А. Проза Аполлона Григорьева в контексте русской литературы 30–60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Томский ун-т. Томск, 1995. 18 с.
17. Григорьев Ап. Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики. <https://philolog.petsu.ru/findost/vremja/1861/MARCH/evrpis.htm>. (дата обращения 02.08.2022).
18. Григорьев Ап. Литературная критика / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М.: Худож. лит., 1967. 631 с.
19. Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Воспоминания. Книга из серии: Литературные памятники. Л.: Наука, 1980. 455 с.
20. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков. Владимир: Шерлок Пресс, 2020. 305 с.
21. Schubert G.H. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden, 1808. 87 с.
22. Kluge C.A.F. Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel. Berlin, 1811. 511 с.
23. Гофман Э.Т.А. Магнетизер // Э.Т.А. Гофман. Собр. соч. в 6 т.: пер. с нем. / сост. А.Б. Ботниковой и А. Корельского; предисл. А. Корельского; редкол.: А.Б. Ботникова [и др.]. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. 493 с.

24. Григорьев А.А. Один из многих // Воспоминания. Книга из серии: Литературные памятники. Л.: Наука, 1980. 455 с.
25. Григорьев А.А. Другой из многих. http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (дата обращения 02.08.2022).
26. Гофман Э.Т.А. Эликсиры дьявола // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 6 т.: пер. с нем. / сост. А.Б. Ботниковой и А. Корельского; предисл. А. Корельского; редкол.: А.Б. Ботникова [и др.]. М.: Худож. лит., 1994. Т. 2. 443 с.
27. Гофман Э.Т.А. Принцесса Брамбилла // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 6 т.: пер. с нем. / сост. А.Б. Ботниковой и А. Корельского; предисл. А. Корельского; редкол.: А.Б. Ботникова [и др.]. М.: Худож. лит., 1996. Т. 3. 557 с.

Reference

(Sources)

1. Egorov, B.F. Khudozhestvennaya proza Ap. Grigor'eva [The artistic prose of Ap. Grigoriev], in Grigor'ev, Ap. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 337–368.
2. Grigor'ev, Ap. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967. 631 p.
3. Grigor'ev, A.A. Moi literaturnye i нравstvennye skital'chestva [My Literary and Moral Wanderings], in Grigor'ev, A.A. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980. 455 p.
4. Grigor'ev, A.A. Odin iz mnogikh [One of many], in Grigor'ev, A.A. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980. 455 p.
5. Gofman, E.T.A. Eliksiiry d'yavola [Elixirs of the Devil], in Gofman, E.T.A. *Sochineniya v 6 t., t. 2* [Collected works in 6 vol., vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1994. 443 p.
6. Gofman, E.T.A. Magnetizer [Magnetizer], in Gofman, E.T.A. *Sochineniya v 6 t., t. 1* [Collected works in 6 vol., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991. 493 s.
7. Gofman, E.T.A. Printsessa Brambilla [Princess Brambilla], in Gofman, E.T.A. *Sochineniya v 6 t., t. 3* [Collected works in 6 vol., vol. 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1996. 557 p.
8. Kluge, C.A.F. Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heilmittel. Berlin, 1811. 511 p.
9. Schubert, G.H. Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft. Dresden, 1808. 87 p.

(Articles from Scientific Journals)

10. Grossman, L.P. Gofman, Bal'zak i Dostoevskiy [Hoffman, Balzac and Dostoevsky], in *Zhurnal iskusstva i literatury*. Moscow: Tipografiya K.F. Nekrasova, 1914, May, no. 5, pp. 87–96.
11. Ignatov, S.S. Pogorel'skiy i Gofman [Pogorelsky and Hoffman], in *Russkiy filologicheskiy vestnik*. Varshava, 1914, vol. 72, no. 3–4, pp. 250–278.
12. Koroleva, V.V. «Gofmanovskiy tekst russkoy literatury» v tvorchestve russkikh simbolistov» [“Hoffmann's Text” in the Works of Russian Symbolists], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 71, pp. 270–281.
13. Rodzevich, S.I. K istorii russkogo romantizma. (E.T.A. Gofman i 30–40-e gody v nashey literature) [On the History of Russian Romanticism (E.T.A. Hoffman and the 30–40s in our literature)], in *Russkiy filologicheskiy vestnik*. Varshava, 1917, vol. 77, no. 1–2, dep. 1, pp. 194–237.
14. Serapionova, Z. Gofmanovskie motivy v Peterburgskikh povestiyakh Gogolya [Hoffman motifs in Gogol's Petersburg Stories], in *Literaturnaya ucheba*, 1939, sentyabr', no. 8, pp. 78–91.
15. Udodov, B. Sud'ba Gofmana v Rossii [The fate of Hoffman in Russia], in *Pod'em*, 1978, no. 4, pp. 154–157.
16. Yanushkevich, A.S. Gofman v Rossii. V.G. Belinskiy o Gofmane [Hoffman in Russia. V.G. Belinsky about Hoffman], in *Uchenye zapiski Tomskogo Universiteta*, 1973, no. 83, pp. 38–49.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. Fokin, P. Odin syuzhet iz istorii formirovaniya lichnosti russkogo romanista (Gofman i Dostoevskiy) [One plot from the history of the formation of the personality of a Russian novelist (Hoffman and Dostoevsky)], in *Sbornik statey «V mire E.T.A. Gofmana»* [Collected works “The world of E.T.A. Hoffman”]. Kaliningrad: Gofman-tsentr, 1994, issue 1, pp. 151–157.
18. Kantor, V.K. Magicheskie geroi i totalitarnoe budushchee (Kroshka Tsakhes i Pavel Smerdyakov) [Magical Heroes and a Totalitarian Future (Baby Tsakhes and Pavel Smerdyakov)], in *Dve Evropy Dostoyevskogo* [Dostoevsky's Two Europa]. Moscow, 2021. 140 p.
19. Kudasova, V.V. Proza Ap. Grigor'eva 40-kh godov XIX veka [Prose Ap. Grigoriev 40-ies of the XIX century], in *XXIX Gertsenovskie chteniya. Literaturovedenie. Nauchnye doklady* [XXIX Herzen readings. Literary studies. Scientific reports]. Leningrad, 1977, pp. 27–30.
20. Petrovskiy, M.A. O vliyani Gofmana na russkuyu literaturu. Besedy [On Hoffman's influence on Russian literature. Conversations], in *Sbornik obshchestva istorii literatury v Moskve* [Collection of the Society for the History of Literature in Moscow]. Moscow: pech. A.I. Snegirevoy, 1915. 24 p.
21. Shchennikov, G.K. «Dvoynik» Dostoevskogo kak tvorcheskii dialog s E.T.A. Gofmanom [Dostoevsky's “Double” as a creative dialogue with E.T.A. Hoffman], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 24* [Dostoevskiy and world culture. Almanac no. 24]. Saint-Petersburg, 2008, pp. 58–65.

(Monographs)

22. Botnikova, A.B. *E.T.A. Gofman i russkaya literatura. K probleme russko-nemetskikh literaturnykh svyazey* [T.A. Hoffman and Russian literature. To the problem of Rus. – German. literary connections]. Voronezh: Voronezhskiy universitet, 1977. 208 p.
23. Koroleva, V.V. «Gofmanovskiy kompleks» v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX vekov [“Hoffmann's Complex” in Russian Literature of the Late XIX – Early XX Centuries]. Vladimir: Sherlok Press, 2020. 305 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

24. Grodskaya, E.E. *Avtobiograficheskiy geroy Apollona Grigor'eva: Poeziya, proza, kritika, pis'ma*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The autobiographical hero of Apollon Grigoriev: Poetry, prose, criticism, letters. Abstract cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 23 p.
25. Kovalev, O.A. *Proza Apollona Grigor'eva v kontekste russkoy literatury 30–60-kh godov XIX veka*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The prose of Apollon Grigoriev in the context of Russian literature of the 30-60s of the XIX century. Abstract cand. philol. sci. diss.]. Toms, 1995. 18 p.

(Electronic Resources)

26. Grigor'ev, Ap. *Znamenitye evropeyskie pisateli pered sudom russkoy kritiki* [Famous European writers before the court of Russian criticism]. Available at: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/vremja/1861/MARCH/evrpis.htm>. (accessed 02.08.2022).
27. Grigor'ev, A.A. *Drugoy iz mnogikh* [Another of many]. Available at: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0080-1.shtml (accessed 02.08.2022).